

Халл ушёл, так что они вдвоём, естественно, тоже не стали задерживаться. К тому же «Чай туманного кристалла» из меню был им всё равно не по карману.

Следуя указаниям менеджера, служащий проводил их в переговорную комнату № 7.

Тем временем Халл и его люди быстро завершили оформление в клубе. Лишь когда деревянную шкатулку с картиной осмотрели и вручили ему, Халл наконец с облегчением вздохнул.

Мужчина средних лет рядом с Халлом улыбнулся и сказал: «Поздравляю, господин, с приобретением "Картины с дамой". Ваша миссия в Китае выполнена».

Халл с удовлетворением коснулся шкатулки и спросил: «Билеты на самолёт заказаны?» С него хватило этого проклятого места — слишком много правил, слишком много практикующих, да ещё и лишние проблемы с демоном-практиком. Теперь, когда картина у него, он хотел поскорее уехать. А с тем демоном они сочтутся позже!

Мужчина средних лет кивнул: «Я купил билеты на ближайшие несколько рейсов. Господин Халл может вылететь в любое время».

Халл кивнул, вышел через особый проход и сел в чёрную машину. Убедившись, что слежки нет, он снова открыл шкатулку, чтобы осмотреть картину.

В переговорной комнате № 7 Бай Чжичжи через своё духовное чутьё увидел действия Халла. Он сосредоточил духовное чутьё на картине, но как только оно коснулось её, «Картина с дамой» вспыхнула.

Халл был адептом стихии молнии и не мог использовать свою силу, чтобы потушить огонь. Они оказались заперты в тесном салоне автомобиля, и в хаосе отчаянных попыток сбить пламя не только не потушили его, но и их собственная одежда загорелась.

В суматохе «Картина с дамой» в мгновение ока сгорела дотла, причём скорость распространения огня была подозрительно высокой, совсем не похожей на горение обычной бумаги. Когда Халл и его люди наконец сбили пламя с себя, всё, что у них осталось, — это деревянная шкатулка и валик от картины.

В переговорной Бай Чжичжи никак не ожидал, что картина загорится от прикосновения его духовного чувства, ни того, что из горящей картины вырвется сгусток духовного света. Несмотря на растерянность, он не колеблясь накрыл этот свет своим духовным чутьём и втянул обратно.

Не проверяя, что именно он вобрал, он быстро спрятал это в своё хранилище.

Едва он успел это сделать, как дверь переговорной распахнул менеджер клуба Ян, за которым следовал Цзян Линь.

Увидев Цзян Линя, Линь Сяоян удивлённо встал: «Брат Цзян!»

Цзян Линь тихо отозвался «мм» и посмотрел на Бай Чжичжи; его взгляд был мягким, но с оттенком беспомощности: «Пойдём. Едем домой».

Линь Сяоян: «Брат Цзян, духовный плод, Чжичжи...»

Не успел он договорить, как Цзян Линь сказал: «Я знаю. Сначала поедем домой».

Линь Сяоян умолк. Бай Чжичжи всё ещё чувствовал вину за то, что тайком присвоил чужое, поэтому молча повиновался.

Выведя их из клуба и усадив в машину, Цзян Линь вернул духовный плод Бай Чжичжи.

Линь Сяоян удивился, а Бай Чжичжи с недоумением спросил: «Как он оказался у тебя?»

Цзян Линь вложил плод ему в руку: «Когда ты вышел из пещерного жилища, ты должен был почувствовать разницу с внешним миром. Мы живём в эпоху упадка духовной энергии, ресурсы скудны, совершенствование затруднено. Духовные плоды с такой насыщенной энергией — ещё большая редкость».

Он улыбнулся Бай Чжичжи: «Будь то духовный плод или духовное снадобье, ты можешь оставить их себе или обменять на что-то другое. Но сначала тебе нужно понять их ценность. Когда узнаешь и поймёшь, тогда и решишь, что с ними делать».

.....

После ужина, искупавшись и переодевшись в пижаму, Бай Чжичжи сидел, облокотившись на письменный стол у окна в своей комнате. Змеиный духовный плод, окружённый духовной энергией, испускал слабое свечение со знакомым сладким ароматом.

В окно время от времени задувал лёгкий ветерок, донося стрекот цикад, устроившихся на деревьях. И запах ветра, и шумное, но странно умиротворяющее стрекотание напоминали ему, что это место ему незнакомо.

Последние несколько дней прошли в хаосе. Его сестра отправилась на обучение в Цинцю, а он каким-то образом очутился в этом странном месте. Интересно, заметили ли родители его исчезновение, паникуют ли, волнуются.

Перебирая в памяти всё, что произошло за это время, Бай Чжичжи вновь увидел перед глазами образ Цзян Линя, возвращающего ему плод.

Судя по реакции сотрудников клуба и Линь Сяояна, этот духовный плод, должно быть, невероятно ценен. Цзян Линь тоже был практикующим, долгое время жившим в среде с недостатком духовной энергии, и наверняка хотел бы его получить.

Но он принёс его и вернул Бай Чжичжи.

Несмотря на холодную и отстранённую внешность, глаза у него были тёплыми. Казалось, с самой их встречи у подножия горы Цзян Линь всегда тепло ему улыбался. Даже когда Бай Чжичжи причинил кому-то вред, Цзян Линь ничуть не ругал его.

Что же за человек Цзян Линь? Просто ли он хороший человек, или притворяется таковым, желая получить от него что-то большее?

Сородичи говорили ему, что Небесный клан жаден и зол, демоны — хитры и высокомерны, а люди — коварны и вероломны, и никому нельзя полностью доверять. Но интуиция подсказывала Бай Чжичжи, что Цзян Линь не притворяется хорошим.

Когда Линь Сяоян пришёл с коробкой жареной курицы, первое, что он заметил, — это светящийся на столе духовный плод, источающий духовную энергию. Он невольно сделал глубокий вдох и сглотнул, прежде чем сказать: «Почему бы тебе не убрать плод? Так

растрачивать духовную энергию — какая жалость, он выдохнется».

Бай Чжичжи взглянул на благоухающую коробку в руках Линь Сяояна: «Что это у тебя?»

Линь Сяоян широко улыбнулся, пододвинул стул и сел рядом с Бай Чжичжи: «Жареная курица и кола! Это из лучшей закуской поблизости. Когда я раньше покупал Хуаньхуань запечённые в сахаре булочки, прихватил и тебе перекусить на ночь. В горах ты такого точно не пробовал».

Когда коробку открыли, в лицо пахло волной маслянистого, ароматного жара. Внутри были не целые куры, а крылышки и ножки, покрытые золотистой хрустящей корочкой, и выглядели они очень аппетитно.

Линь Сяоян взял ножку и начал есть. Увидев это, Бай Чжичжи тоже протянул руку и взял одну. Снаружи было хрустяще, а под crunch оболочкой скрывалось нежное, сочное мясо — совершенно новое ощущение. Повара в его дворце готовили множество всего, но ничего подобного никогда не делали.

Линь Сяоян с улыбкой посмотрел на него: «Вкусно, правда? Знаешь, в мире людей так много разной вкусной еды. В будущем я буду водить тебя пробовать её по всей стране!»

Бай Чжичжи облизнул губы и кивнул: «Вкусно».

Это был ночной перекус для Бай Чжичжи, поэтому Линь Сяоян, съев один кусочек, остановился: «О чём ты только что думал? Вспоминал дом?»

Бай Чжичжи покачал головой: «Я думал о том, что за человек Цзян Линь».

Линь Сяоян усмехнулся, услышав это: «Брат Цзян? Он очень, очень хороший человек».

Бай Чжичжи посмотрел на Линь Сяояна.

Линь Сяоян продолжил: «Здесь ресурсы для совершенствования ограничены. Помимо того, что мы добываем сами, государство распределяет кое-что во время обучения, но никогда не поровну — перекося в сторону более талантливых. В конце концов, лучше воспитать несколько выдающихся, чем тратить силы на кого-то с посредственным талантом. В те годы у наставника брата Цзяна был посредственный талант, как и у дяди Гао и дяди Би. Когда они постарели и не смогли совершить прорыв, совершенствование потеряло смысл. Но поскольку они внесли вклад в страну, начальство устроило их в отряд ветеранов — первоначальную бригаду Дунчэн».

Линь Сяоян не удержался и снова залез в коробку за куриным крылышком. Он говорил с набитым ртом: «В то время бригада Дунчэн была в отдалённом углу, о ней почти не вспоминали, кроме как в день ежемесячного пособия. Потом они нашли ребёнка — брата Цзяна. Поскольку родителей найти не удалось, а они уже какое-то время его подкармливали, они не захотели отдавать его в приют и в итоге усыновили».

«Неожиданно оказалось, что у брата Цзяна тоже есть духовные корни. Но тогда средств для помощи в совершенствовании было очень мало, и поначалу он прогрессировал медленно. Начальство решило, что он, вероятно, тоже ограничен в таланте, и не обращало особого внимания. Позже, когда наставник брата Цзяна был уже на исходе жизни, брат Цзян хотел помочь ему совершить прорыв и записался в экспедицию в энергетическое поле».

Бай Чжичжи: «Туда нужно записываться?»

Линь Сяоян: «Конечно! Внутри опасно, но есть и возможности. Практикующих мало, и каждый на счету. Чтобы избежать ненужных жертв, допускают только тех, чьи силы прошли оценку».

Бай Чжичжи: «И что было дальше? Он пошёл?»

Линь Сяоян: «Конечно, пошёл. Если бы не пошёл, он не был бы тем братом Цзяном, которого мы знаем сегодня».

Даже сейчас легенды о Цзян Лине всё ещё рассказывают. В восемнадцать лет он впервые вошёл в энергетическое поле, и его совершенствование прорывалось снова и снова. Оказалось, талант Цзян Линя вовсе не был недостаточным — ему просто не хватало духовной энергии для поглощения, и его дарование не могло раскрыться.

Во время того похода в энергетическом поле появился свирепый зверь, что привело к тяжёлым потерям. Цзян Линь собрал практикующих из Китая, и вместе они устроили охоту на зверя, насколько возможно защищая своих и сокращая потери.

Из практикующих других стран выжил едва ли один из десяти, что говорит о том, насколько опасной была ситуация.

Цзян Линь прославился после той битвы, и, покинув энергетическое поле, получил внимание и поддержку высшего руководства.

Линь Сяоян вздохнул: «Но даже так брат Цзян не смог спасти своего наставника. Наставник всё равно не смог совершить прорыв и ушёл из жизни. Позже брат Цзян взял на себя командование бригадой Дунчэн».

Линь Сяоян понизил голос и сказал Бай Чжичжи: «Честно говоря, с умениями Цзян Линя он мог бы получить пост и получше — как Сяо Юй из Линьчэна, который тоже капитан, но у него в команде сорок или пятьдесят практикующих. Не то что у нашего брата Цзяна, у которого так мало людей».

Бай Чжичжи: «Почему он не набирает больше людей?»

Линь Сяоян: «Из-за чувства ответственности. Каждый, кто попадает в Восточный город, становится ответственностью брата Цзяна. Он не станет набирать людей и оставлять их совершенствоваться самим по себе — он берёт на себя ответственность за каждого. Поэтому, хотя нас и мало, каждый из нас — семья».

Линь Сяоян потянулся: «Чжичжи, раз брат Цзян привёл тебя сюда, будь то временно или нет, пока ты в этом дворе, ты один из нас. Считай это место своим вторым домом».

Сказав это, Линь Сяоян поднял глаза на дерево за окном. Этот двор оставил брату Цзяну его наставник. Для брата Цзяна это его дом, и, принимая их всех, он, естественно, считает их своей семьёй.

Закончив рассказ, Линь Сяоян сказал с заискивающей улыбкой: «Чжичжи, кстати, у тебя есть артефакт-хранилище? Как он выглядит? Можно посмотреть?»

Бай Чжичжи откусил куриное крылышко и посмотрел на него. Видя его нетерпение, он слегка приподнял левую руку, и на указательном пальце мгновенно появилось серебряное кольцо.

Кольцо было простого дизайнера: на месте соединения — лисий хвост и лисья голова. Простые

линии были невероятно живыми, а на лисьей голове были две чёрные, похожие на бриллианты точки, служившие глазами.

Браслет-хранилище, который мать изготовила для него, нельзя было показывать всем подряд, но у него было много артефактов-хранилищ; показать один Линь Сяояну было можно.

Линь Сяоян не прикоснулся к нему, но его глаза буквально приклеились к кольцу: «Ух ты, так вот он какой, артефакт-хранилище! У тебя среди предков был могущественный Великий Демон? Тот Лис-Демон, которого брат Цзян поймал раньше, не умел пользоваться палочками, ел сырое мясо и даже не мог одеться».

Бай Чжичжи был совсем другим. Хотя он тоже не умел читать, он явно получил хорошее воспитание, и его речь и манеры выдавали благородство. Он не был похож на обычного демона.

Бай Чжичжи отдернул руку, скрыл кольцо на пальце и продолжил грызть крылышко, не отвечая на вопрос Линь Сяояна.

Линь Сяоян не обиделся. Увидев артефакт-хранилище, он был удовлетворён, но всё же напомнил: «Запомни, никогда больше не показывай артефакт-хранилище просто так. Эти вещи слишком редки, и люди будут завидовать и желать их заполучить».

У брата Цзяна тоже был один, добытый в энергетическом поле. Если бы сам брат Цзян не был настолько способным, он, возможно, не смог бы сохранить это хранилище.

Предупредив Бай Чжичжи, Линь Сяоян прогулочным шагом возвращался в свою комнату, когда столкнулся с Цзян Линем, который снова куда-то собирался. Он быстро подбежал: «Брат Цзян, куда ты так поздно?»

Увидев бегущего к нему Линь Сяояна, Цзян Линь остановился: «В клуб "Вантин". Там кое-что случилось. Ты предупредил Чжичжи?»

Артефакты-хранилища, будь то для обычных людей или практикующих, являются сокровищами божественного уровня. Каждый существующий экземпляр зарегистрирован и контролируется, и власти никогда не позволят, чтобы артефакт-хранилище попал в руки того, кого нельзя контролировать.

Но артефакт Бай Чжичжи, скорее всего, достался ему от предков, и даже у властей нет оснований требовать его сдачи. Однако, хотя официальные лица его не отнимут, они беспокоятся, что какие-нибудь недобросовестные люди могут попытаться завладеть им.

Судя по недавнему общению, этот маленький лис не проявлял неприязни или враждебности к людям и стоил того, чтобы с ним подружиться. Цзян Линь не хотел, чтобы жадность превратила демонов и людей во врагов, поэтому поручил Линь Сяояну предупредить Бай Чжичжи, чтобы тот в будущем не показывал своё хранилище кому попало.

Линь Сяоян кивнул: «Предупредил. В клубе "Вантин" что-то случилось? Что произошло? Почему ты едешь? Ты же не полицейский».

Цзян Линь: «Сегодня днём картина, которую купил Халл, загорелась, как только он покинул клуб. Он считает, что клуб что-то с ней сделал. Раньше он использовал технику смены лица, чтобы скрыть личность, но теперь он вообще не скрывается. Он в клубе, требует объяснений и пытается применить свою суперсилу. Они там сейчас шумят. Поскольку я ближе всех к клубу "Вантин", я должен пойти проверить».

Использование сверхъестественных способностей на их территории может быть урегулировано только практикующими; обычные люди действительно не справятся.

Линь Сяоян быстро сказал: «Я пойду с тобой!»

Другие начальники всегда берут с собой подчинённых; не может же его начальник идти один!

<http://bllate.org/book/17958/1725611>